

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: МЕТАМОРФОЗЫ ПОНЯТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Д.П. Исаев

Аннотация: Статья посвящена истории конституирования, бытованию, особенностям использования понятия «историографическая революция» в отечественной исторической науке. По наблюдениям автора, зародившись в рамках советской историографической традиции понятие стало использоваться в качестве дополнительного инструмента для изучения переломных моментов в истории исторического знания, без должной теоретической проработки. 1990-е гг. не стали временем популярности концепта, поскольку утратило популярность более широкое понятие «научной революции». Значительное место в работе уделено теории Б.Г. Могильницкого, оказавшей влияние на восприятие историографического процесса II половины XX – начала XXI в. как текущей историографической революции. Делается вывод, что дуализм его трактовки революции содержит в себе эпистемологические пределы дальнейшей разработки данной модели. По нашему мнению, характерной особенностью современных высказываний о понятии является сохраняющаяся зависимость от идей Т. Куна. Нынешнее положение концепта является результатом кризиса самой метафоры революции. Сегодня наука вряд ли нуждается в универсальной категории «историографической революции». Дальнейшие перспективы ее употребления могут быть связаны с пониманием революции как «состояния», а также с применением локального подхода к истории науки.

Ключевые слова: историографическая революция, М.А. Барг, Б.Г. Могильницкий, Т. Кун, антикумулятивизм, кейс-стади, конструктивизм.

«REVOLUTION IN HISTORIOGRAPHY»: THE TRANSFORMATION CONCEPTS IN RUSSIAN SCIENTIFIC TRADITIONS

D.P. Isaev

Abstract. The article is devoted to the history of constituting, existence, peculiarities of the use of the concept of “historiographical revolution” in the Russian historical science. According to the author’s observations, having originated within the Soviet historiographical tradition, the concept was used as an additional tool for studying critical moments in the history of historical knowledge, without proper theoretical study. The 1990s did not become the time of popularity of the concept, as the broader concept of “scientific revolution” lost its popularity. A significant place in the work is given to the theory of B. Mogil’nitskii, which influence on the perception of the historiographical process of the second half of 20th–beginning of 21st century as the current historiographical revolution. It is concluded that the dualism of its interpretation of the revolution contains the epistemological limits of further development of this model. In our opinion, a characteristic feature of modern statements about the concept is the continuing dependence on the T. Kuhn’s ideas. The current position of the concept is the result of the crisis of the metaphor of the revolution itself. Today, science hardly needs a universal category of “historiographical revolution”. Further prospects of its use may be related to the understanding of the revolution as a “condition”, and to the application of a local approach to the history of science.

Keywords: revolution in historiography, M. Barg, B. Mogil’nitskii, T. Kuhn, anticumulative, case study, constructivism.

Формирование определенного образа историографической науки включает в себя процесс конструирования подходящего ему конкретного языка описания. Пополнение понятийно-категориального аппарата в той или иной зоне исследований достигается через конвенцию, в результате чего понятия могут «работать» по умолчанию в достаточно широком своем значении, однако при поиске более конкретной содержательной характеристики возникают пределы их применимости. Сегодня отечественная историографическая наука внимательна к своему дисциплинарному языку, характер обращения к которому сигнализирует относительно состояния самой дисциплины. Уточняются понятия «парадигма», «историографический источник» и др. В данном пространстве существует и понятие «историографическая революция». Как кажется, наступило время проследить особенности его конституирования, бытования и пределы использования в отечественной исследовательской практике в контексте эволюции самого исторического знания. Проведенный анализ позволит прояснить ситуацию с дальнейшей перспективой использования данного концепта.

«Историографическая революция» отсылает к понятию «научная революция», вошедшему в научный обиход благодаря А. Койре и получившему дальнейший мощный импульс после выхода знаменитой книги Т. Куна. Интересующее нас понятие воплощается, кроме того, в таких терминах как «революция в историческом знании/науке», «научная революция в историописании». Полагаем правомерным считать их взаимозаменяемыми в силу того, что являются производными от базового. Обращаем внимание, что и в англоязычной традиции встречаются вариации «historiographical revolution», «revolution in historiography», «historical revolution».

Сама история бытования понятия в российской науке насчитывает едва три десятилетия. Как отметил Б.Г. Могильницкий, сам термин «историографическая революция» в отечественную литературу впервые ввел М.А. Барг, указав на статью данного автора 1989 г. В ней историк назвал «перемены, происходящие ныне в научном арсенале исторической науки, историографической революцией» [Барг, 1989, с. 45]. Справедливости ради, сообщим, что выдающийся медиевист уже использовал термин в монографии, вышедшей двумя годами ранее, упомянув «историографическую революцию XVIII в.». К сожалению, в этих работах он не дал исчерпывающего своего понимания историографической революции как явления, поэтому мы вынуждены предложить в некоторой мере синтетический конструкт авторского взгляда на проблему. Как следует из текстов, М.А. Барг пользовался понятием осторожно, не слишком привязывая к нему исследуемые историографические явления. Так, в одном месте как будто неслучайно оговаривается о «так называемых “историографических революциях”», в ряде случаев просто заменяет его на «повороты» и «перевороты» в историографии [Барг, 1987, с. 14-18].

Саму возможность использования концепта «революция» в историографии ученый обосновывал тем, что историю науки можно рассматривать с двух позиций – континуитета и прерывности. По его словам, «в первом случае мы так или иначе сталкиваемся со значительной преемственностью фактической основы истории». Во втором

же случае «речь идет о наблюдаемой время от времени смене “объяснительных схем”, концептуальных структур, парадигм». Второй подход и привлекает М.А. Барга, поскольку позволяет связать историографические практики с «более высокими, более абстрактными уровнями мировидения в целом» [Барг, 1987, с. 15, 18].

Другим фактором движения науки, по Баргу, является связь с практикой. Как отмечал исследователь, «диалектика смены теоретических структур в историографии в конечном счете только отражает диалектику мутации структур социальных. И хотя эта связь всегда выступает более или менее опосредованно, тем не менее очевидно, что открытие новой проблематики в историографии, внешне представляющее как результат чисто теоретических “прозрений”, в действительности подсказано общественной практикой, то есть проблематикой новой исторической эпохи» [Барг, 1987, с. 14, 16]. Для М.А. Барга было важно это отметить еще и потому, что данный процесс сопровождался хронологическим разрывом между глубинными умственными подвижками и основанными на них более конкретными научными достижениями, обусловленными при этом трансформациями на базисном уровне. Так, ученый утверждал, что новый тип историографии, несмотря на то, что в своей основе имел успехи классического естествознания XVI-XVII вв., был сформирован именно в XVIII в. в условиях Просвещения и промышленного переворота.

Становление этого типа М.А. Барг и назвал «историографической революцией XVIII в.». Новый образ истории зиждется на механицистском представлении о природе, где господствовали причинно-следственные связи, и детерминизме, исходившем из идеи универсальности человеческой природы. Подобный натурфилософский взгляд на историю (натуралистический историзм) выразился в появлении так называемой «философской истории». Этот жанр историографии был ориентирован на извлечение смысла истории: смена исторических эпох обосновывалась «естественными» причинами, исходившими из незыблемых законов природы. Запрос на философию истории спровоцировал существенное расширение предметной области историографии, в которой появились история учреждений, история хозяйства и права, история культуры. Проникновение аналитических методов в исследования предвосхитило появление в XIX в., собственно, научной истории. Таким образом, историографическую революцию вызвало становление натуралистического историзма как стиля мышления, пришедшего на смену провиденциалистскому историзму [Барг, 1987, с. 305-341].

В статье же внимание автора сосредоточено на современной методологической ситуации, которая может охарактеризоваться как «“поворот к человеку” как индивиду, то есть подлинно историческому существу во всех его измерениях». В исторической науке этот процесс оказался связан с развитием исторической антропологии. Данный поворот ученый и называет очередной историографической революцией. Однако делает при этом существенную оговорку: «в материалистическом историзме “поворот к человеку” как творцу истории не должен был дожидаться экзистенциальной ситуации наших дней, он воплотился в самом факте появления этого историзма в середине XIX в., составив глубинный смысл вызванной

им историографической революции» [Барг, 1989, с. 46]. Конечно, сегодня такое суждение выглядит не так обоснованно, поскольку антропологию питали и идеалистические учения. Однако нам важно зафиксировать, что следующую после XVIII в. революцию М.А. Барг связал с появлением материалистического понимания истории, когда на первый план в познании выдвинулась материально-предметная деятельность, потеснив собой рефлексивную способность людей. Как писал ученый, «категория практики позволила историческому исследованию обратиться к изучению действительности, оперируя вместо абстрактных, внеисторических, изолированных друг от друга человеческих индивидов деятельными людьми каждой данной эпохи, а вместо спекулятивных “обществ” – историческими общностями, созданными этими индивидами и состоящими из них» [Барг, 1989, с. 51-52]. Что качественно отличало новую науку от историографии XVIII в.

Материалистический историзм возник в середине XIX в., и к началу XX в., превратившись в общественную силу, стал философским основанием нового мирозерцания. Что вызвало, по Баргу, уже, собственно, историографическую революцию, направленную против ограниченности позитивизма и неокантианства [Барг, 1987, с. 17]. Как видим, хронологический разрыв и в этом случае имеет для автора методологическое значение, органично сочетаясь с метафорой революции. Необходимо было показать, что выход глубинных умственных изменений на поверхность повседневности определяется уровнем общественного развития. И между этими процессами неизбежно существуют временные зазоры. Очевидно также, что историк традиционную для советской историографии концепцию кризиса буржуазной исторической науки начала XX в. встраивает в модель научных революций.

Таким образом, попытавшись целостно представить идею историографической революции у М.А. Барга, видим, что автор достаточно осторожно пользовался данным, постпозитивистским, а потому несколько «чужеродным» понятием. Однако его применение даже в качестве вспомогательного оказало исследователю помощь в характеристике механизма смены типов историзма, когда требовалось сосредоточить внимание на глобальных сдвигах в историческом сознании, хронологических зазорах между разрывами в мирозерцании и последующими изменениями в историографии. То есть, автор пытался сконструировать адекватный изучаемым явлениям язык описания.

В 1990-е гг. рефлексия над моделью революций в историческом знании велась не так активно. В 1993 г. А.Я. Гуревич опубликовал размышления по книге П. Берка «Революция во французской исторической науке». Сам автор «коперниканский переворот» «новой исторической науки» видел в колоссальном расширении подходов, методов, предметного поля исторических исследований. По мнению же рецензента, в этом случае загадка школы «Анналов» остается не вполне разгаданной. Главные изменения, писал Гуревич, заключаются в трансформации статуса историка как познающего субъекта. По его словам, «анналисты» «осознали активную гносеологическую позицию историка...» в вопросах выбора и отношения к источникам, конструирования исторических фактов, организации «диалога» с человеком

прошлого. Не случайно поэтому ученый данные изменения назвал «революцией в исторической профессии». Несмотря на то, что начало ее было положено Блоком и Февром, истинное значение перемен осознается только сейчас. Как констатировал А.Я. Гуревич, революция «еще только начинается, главные свершения, я убежден, впереди, но дорога нащупана...» [Гуревич, 2005, с. 515-521]. Таким образом, классик медиевистики рефлексировал с помощью данного понятия, в первую очередь, над будущим науки, связывая перспективы, в том числе, со сдвигами в самосознании историка.

С.П. Бычков и В.П. Корзун одними из немногих обратили внимание на применимость к историографии именно куновской модели науки, особенностью которой является эволюционный цикл, сочетающий период «нормального» развития науки с временем научных революций. Так, в развитии отечественной исторической науки исследователи находят примеры как эволюционных, так и революционных изменений. К первым можно отнести активизацию внимания к традиционным темам, сопровождавшуюся расширением источниковой базы исследований, дополнительными ракурсами изучения конкретного исторического явления. «Революционным» же назван, к примеру, историографический период I четверти XIX в., обозначивший кризис рационалистической парадигмы. По их словам, поиски нового в это время «сопровождаются соединением новых философских подходов с прежней практикой исторических исследований, нового политического пафоса с прежней источниковой базой и старой интерпретацией исторического процесса...» [Бычков, 2001, с. 54].

Правда, авторы специально разработкой концепта «историографическая революция» и их периодизацией не занимались и даже пользовались в работе общей формулой «революция в науке», содержательно касаясь именно историографии. Объяснить это можно сложившейся на тот момент ситуацией, которую сами авторы и описали. По их словам, популярность куновской модели, сыгравшей свою роль в scholarly исследованиях, падает к 1980-м гг., сам термин встречается все реже. «Наиболее важной для исторической науки, – продолжают исследователи, – стала считаться созидательная функция. Возникновение нового знания не влечет разрушения “старого”, поскольку “прошлое не утрачивает свое своеобразие и не поглощается настоящим”». Весьма важным представляется замечание С.П. Бычкова и В.П. Корзуна, что своеобразной реакцией на куновскую теорию является так называемая ситуативная историография (кейс-стадис), отличительной чертой которой является отказ от кумулятивистских, линейных моделей развития науки, когда событие прошлого исследуется не в ряду других событий, а как «неповторимое, невоспроизводимое в других условиях» [Бычков, 2001, с. 54-55]. Необходимо заметить, что авторы верно спрогнозировали дальнейшее развитие ситуации с практикой использования понятия, поскольку подобные образцы исследования действительно появляются.

В линейном же характере куновской модели мы и обнаруживаем неоднозначную судьбу самого понятия историографической революции. Определенным выражением названных процессов явилась теория Б.Г. Могильницкого. В ряде статей, а затем

в 3-м томе курса лекций ученый предложил свое понимание историографической революции на материале историографического процесса II половины XX – начала XXI в. [см. рец.: Согрин, 2009; Бодров, 2010]. Интересно, что если А.Я. Гуревич связывал «революционные изменения» и с ранними «Анналами», то Могильницкий хронологические рамки сужал.

В качестве теоретических оснований своей трактовки автор называет броделевскую теорию социальных революций «как диалектического единства кратковременных событий-взрывов и длительных латентных процессов, их подготовивших». Предложенный взгляд побуждает, пишет исследователь, «рассматривать историографическую революцию в режиме диалектики времени короткого и времени длительного. Мы вправе говорить об “историографическом континууме”, в котором происходит нарастание критической массы и совершается череда медленных изменений и внезапных взрывов». По Могильницкому, историографическая революция – это «не серия спонтанных, дискретных, разнонаправленных взрывов», это и событие, и процесс, «подготовленный как внутренней логикой развития исторической науки, так и всепроникающим влиянием жизни, многообразными импульсами, исходящими от общества» [Могильницкий, 2008, с. 5].

И если в идее «множественности времен» в историографическом континууме автор отдает должное наследию Ф. Броделя, то в данных размышлениях также проступает заочная полемика с Т. Куном, в частности с его антикумулятивистскими взглядами. Неслучайно в качестве сущностной черты историографической революции историк видит следующее: «какой бы стремительной и радикальной ни была смена исследовательских приоритетов, она не является абсолютной, включая не только разрыв с прошлым науки, но и определенную преемственность с ним». В доказательство этому приводится тот факт, что скрепой историографического континуума, в котором разворачивается историографическая революция на протяжении II половины XX в., является «новая научная история» [Могильницкий, 2008, с. 12, 37]. Что очевидно, обратно тезису Куна о несоизмеримости парадигм в науке.

Немаловажно, что историк предлагает понятие историографической революции как современной, или текущей. Трудно сказать, признавал ли ученый наличие других, более ранних историографических революций. Возможно, он отталкивался от суждения американского историка Т.С. Хеймроу, отметившего, что революция в исторической науке II половины XX в. была «более масштабная, чем когда-либо со времени ее возникновения более 2000 лет назад» [Могильницкий, 2008, с. 14].

В рамках данной революции Б.Г. Могильницкий выделил три этапа. Первый, объективистский (1960-70-е гг.), связан с рывком истории к социальным наукам. Это было торжество «новой научной истории» с широкими историко-социологическими обобщениями. Доминирующим фактором развития исторической науки была ее сциентизация. Второй, субъективистский (1980-е – начало 90-х гг.), связан с «антропологическим поворотом», приведшим к переосмыслению роли субъективного в историческом процессе и историческом познании. Крайним выражением

этапа явилось пришествие постмодернизма в историописание. Наконец, третий, синтезирующий (с 1990-х гг.), или субъективистско-объективистский, интегрирует достижения и отвергает крайности двух предыдущих этапов историографической революции. Определяющим мотивом новой науки является «обращение к широко-социальному контексту, в который погружен человек».

Для прояснения логики движения революции от этапа к этапу автор пользуется понятием методологического кризиса как ее закономерного элемента. Состояние кризиса предшествующего этапа предваряет наступление нового. Так, кризис исторического детерминизма приводит к популярности нарративных стратегий исследования, лингвистическому повороту. В дальнейшем, распространение релятивистских течений в историописании потребовало от сообщества усилий по возрождению доверия к научному дискурсу, преодолению кризиса исторической профессии [Могильницкий, 2008, с. 18-39]. Внешне данная схема «этап 1 – кризис – этап 2 – кризис...» напоминает куновскую цепочку «нормальная наука – кризис – научная революция – нормальная наука» [Кун, 2003]. С тем отличием, что алгоритм у Б.Г. Могильницкого предусмотрен для движения знания внутри историографической революции. Неслучайно поэтому историк не пользуется понятием «нормальная наука».

Вопрос о завершении историографической революции автор оставляет открытым. По его словам, и в XXI в. «в условиях продолжающейся историографической революции можно ожидать наступление нового витка методологической трансформации нашей науки, связанной с бурным подъемом междисциплинарных исследований, в который раз преобразующих ее облик» [Могильницкий, 2008, с. 524]. Примечательно, что через 10 лет И.М. Савельева показала, как широкие междисциплинарные заимствования приводят к снижению методологических стандартов исторического исследования, нестрогости дисциплинарного языка науки [Савельева, 2017]. Является ли это проявлением текущего кризиса, ведущего к очередной смене ориентиров?!

Таким образом, с одной стороны, модель историографической революции Б.Г. Могильницкого вполне сочетается с кумулятивистскими, эволюционными объяснениями истории науки. Понятия «революция», «взрыв» и «преемственность», «протяженность» в данной теории не отрицают, а дополняют друг друга. С другой стороны, что симптоматично, автор предложил не типическую модель революции, а уникальную, конкретную. Возникают, как кажется, правомерные вопросы: были ли историографические революции ранее? Является ли революция закономерным элементом историографического процесса? Несомненно, понятие историографической революции удачно использовано Б.Г. Могильницким для описания степени радикальности, масштабности перемен, демонстрации глубоких трансформаций в современной исторической науке. Историк говорит о революции как событии и процессе одновременно. В данном случае, как представляется, более удачным было бы слово «состояние», поскольку его значение семантически оказывается ближе коэкзистенциальному измерению, нежели эволюционному. Подобный

дуализм трактовки историографической революции, как ни странно, указывает на пределы использования понятия в исследовательской практике. Судя по реакции профессионального сообщества на теорию уважаемого историографа, закономерно комплиментарной, становится ясным, что оно готово видеть историческую науку последней трети XX – начала XXI в. в состоянии революционности [Репина, 2013; Савельева, 2018, с. 7], а также вносить дополнительные штрихи в эту целостную картину. Так, И.Н. Ионов говорит о «постколониальной революции в историческом знании» как еще одном направлении историографической революции, внесшем огромный вклад в эпистемологию современной глобальной истории [Ионов, 2015, с. 209-210]. Однако в целом, данная модель оказалась слишком конкретной, чтобы стать универсальным понятием в линейных интерпретациях.

К тому же не все были согласны с тем, что историографическая революция рубежа веков вообще имела место. Так, отрицательный ответ дает А.И. Филюшкин. Ученый соглашается с тем, что наука находится в кризисе под влиянием постмодернизма, с одной стороны, и устаревшего позитивизма, с другой. Новые стандарты исторического исследования автор связывает с внедрением элементов антропологии, семиотики, герменевтики, методики точных наук. Но, по его словам, «эта революция может начаться, только когда современные методологические стандарты в массовом масштабе проникнут в учебные программы российских истфаков» [Филюшкин, 2003, с. 68].

Самостоятельная интерпретация понятия была предложена А.В. Лубским. Согласно его определению, историографическая революция – «это кардинальное изменение эпистемологических представлений о предмете исторической науки, стиля исторического мышления, когнитивной стратегии научного исторического познания и роли в нем историка-исследователя». Ученый насчитывает в историческом познании три таких изменения, или историографических революций. Первая относится к началу XIX в. и связана с возникновением собственно исторической науки и классической модели исторического исследования. Вторая произошла на рубеже XIX-XX вв. формированием неклассической модели. Наконец, третью автор относит к концу XX в., когда зарождается так называемая неоклассическая модель исторического исследования. В качестве характерных черт третьей революции ученый называет возможность сосуществования различных способов познавательной деятельности, мультипарадигмальность и методологический плюрализм [Лубский, 2014, с. 158-159].

Отличительной особенностью моделей историографических революций, предложенной А.В. Лубским, является то, что революционные процессы в историческом познании рассматриваются как производные от изменений философских оснований науки и, шире, от сдвигов в мировоззренческих структурах в ту или иную эпоху. К примеру, очевидно, что понятие «стиль исторического мышления» выходит за рамки теоретических проблем историописания и в определенных проявлениях может относиться к «базисным моделям устройства мира» [Поздняков, 2014, с. 197].

Для сравнения, Б.Г. Могильницкий больше исходит из логики самого историографического процесса.

Заметим определенное концептуальное влияние на предложенную Лубским периодизацию историографических революций со стороны теории глобальных научных революций В.С. Степина [Степин, 2003, с. 619-632]. Так, первая историографическая революция, по Лубскому, вобрала в себя достижения 1-й глобальной научной революции, когда сформировался классический тип научного мышления, но хронологически соотносится со 2-й глобальной научной революцией конца XVIII – I половины XIX в., когда естествознание перешло к состоянию «дисциплинарно организованной науки». Вторая историографическая революция связана с 3-й глобальной научной революцией, приведшей к становлению неклассического естествознания и неклассического типа рациональности. Атрибутируя же третью историографическую революцию автор конституирует понятие «неоклассики» в историческом познании. Тогда как по В.С. Степину, 4-я глобальная научная революция приводит к рождению постнеклассической науки.

Интересно, что модель историографических революций А.В. Лубского, по сути, является дальнейшим развитием теории альтернативных моделей исторического исследования, в относительно завершенном виде представленной в монографии 2005 г. В данной работе процесс движения исторического познания в XIX–XX вв. был представлен в виде сменяющих друг друга классической, неклассической и неоклассической моделей научного исторического исследования с указанием на особую роль постмодернистской парадигмы исторического познания во второй половине XX в. Однако, в теоретический инструментарий автора понятие «историографической революции» тогда еще не входило. И кстати, объяснение этому находим в самой монографии. Так, по мнению ученого, «развитие исторического познания в XIX–XX вв. сопровождалось не плавным накоплением научных знаний (кумулятивная теория), не “сменой парадигм” (теория научных революций), а “когнитивными прорывами” и возникновением новых моделей исторического исследования в условиях сохранения методологического потенциала старых» [Лубский, 2005, с. 344]. К сожалению, формат словарной статьи не позволил автору выступить с развернутой аргументацией относительно самой методологической необходимости внедрения понятия «историографической революции» в его ранее разработанную теорию. Поскольку данный шаг, как кажется, несколько ослабляет внутреннюю непротиворечивость теории.

Примером локального подхода к историографическому явлению выступает описание Е.А. Ростовцевым так называемой ранкеанской революции. К ее участникам автор причисляет, кроме самого Л. фон Ранке, Б.Г. Нибура, Т. Моммзена, Я. Буркхардта, И.Г. Дройзена. Интересно, что в зарубежной историографической традиции употребляется также термин «берлинская революция в историографии» [Sreedharan, 2004, p. 169-187]. Итак, ранкеанская революция сделала историю наукой, дала ей систему методов. По словам Е.А. Ростовцева, «отныне человек, претендующий на звание историка, был обязан следовать определенным и достаточно

строгим канонам “исторического ремесла”». Знаменитый семинар Ранке обучал научным занятиям истории, являясь и локальным научным сообществом, которое конституировало профессиональные нормы. Кроме того, автор признает неотъемлемой ее составляющей и формализацию исторического метода [Теория и методология истории, 2016, с. 116-117]. Кстати, здесь можно провести параллели со взглядом на ранкеанскую революцию шведского ученого Р. Тоштендаля, который трактовал ее в несколько ином смысле [Тоштендаль, 2014, с. 36-42]. В целом, Е.А. Ростовцев подходит к изучению этого историографического явления ситуативно, рассматривая ранкеанскую революцию как феномен. Очевидно, что «конкретность» данного локального взгляда противостоит типологическим объяснениям и интерпретациям. И что характерно в той связи, о других историографических революциях в пособии не говорится.

В завершение проанализируем недавно вышедшую работу Д.В. Лукьянова. Фактически, объектом авторского рассмотрения является современная историографическая революция. Особенностью данного взгляда выступает признание, вслед за Т. Куном, антикумулятивных закономерностей, разрывов и дискретностей. Дело в том, что, по мнению Д.В. Лукьянова, движение знания – это «процесс самовоспроизводства автономных профессиональных сообществ», который происходит на «уровне социального сопряжения внутри себя». Научная деятельность при таком подходе атрибутируется не движением к истине, а существующими нормами внутри научного сообщества как «самоорганизующегося организма». В результате же внешнего взаимодействия между сообществами, которое выглядит как столкновение самореферентных систем, происходит их переструктурирование [Лукьянов, 2018, с. 59]. Что и позволяет говорить о «революционности» процесса.

Соответственно этому, как полагает автор, требуется и специальный язык описания, то есть, «аутентичный “революционный” язык для понимания историографических “поворотов”... А значит и принципиально иная событийность в языке историографического анализа произошедших слов». Исследователь обращает внимание, что коммуникационные связи между областями знания как относительно замкнутыми системами происходят ассиметрично, в виде так называемых «вторжений-интервенций» [Лукьянов, 2018, с. 60]. Таким образом, образ единого научного процесса распадается теперь на ряд дискретных событий. Данный взгляд перекликается, к примеру, с утверждением С. Шейпина, что «единой магистрали научной революции нет, есть только множество различных историй, с ней связанных» [Депар, 2015, с. 327].

В современной историографической революции Д.В. Лукьянов подобными событиями-интервенциями называет эпистемологические «повороты» конца XX – начала XXI в., переструктурировавшие область научной истории. Данные повороты, как ни странно, по мнению автора, могут привести к краху исторической науки как самореферентной системы знания. По его образному замечанию, «переход к гетерогенности исторической науки... делает историков “третьей историографической революции” скорее жертвами, а не победителями». Как представляется,

это суждение достаточно интересно, так как обращает внимание на обратную, конфликтную сторону стремления к междисциплинарности, угрожающей науке кризисом идентичности. С другой стороны, в результате возможной «смены» идентичности исторической науки ученый видит рождение ее нового образа, связанного не с накоплением и приращением знания, а с направленностью его на читателя и рецепцией в публичном пространстве [Лукьянов, 2018, с. 57, 61-62].

Для сохранения статуса самой историографии в пространстве after-постмодерна, историк предлагает нетривиальный и даже несколько провокативный ее образ как «историографики (греч. *grafike*, от *grapho* – пишу, черчу, рисую, – причем, одно-временно)». По его словам, «историографика – это процессуальная атрибуция современной историографии в фазе “третьей революции”, которая отстаивает тезис о том, что имеющаяся историография историографирует историографию». Речь идет о ситуации революционной ломки научной коммуникации, когда неопределенность дисциплинарных границ актуализирует задачу понимания и перевода с одного языка описания на другой [Лукьянов, 2018, с. 63-64]. Скорее всего, подразумевается преодоление замкнутого, саморефлективного дисциплинарного пространства историографии в пользу как бы инструментария «внешнего» наблюдателя, с вытекающими отсюда методологическими последствиями. Впрочем, авторский тезис требует дополнительного прояснения.

Итак, на основании данного обзора можно сделать ряд принципиальных выводов. Как понятие «историографическая революция» зародилось в отечественной исторической науке еще в условиях доминирования марксистской методологии и использовалось в качестве дополнительного инструмента для изучения переломных моментов в истории исторического знания. Поиски М.А. Барга свидетельствовали, что оно нуждалось в теоретической проработке. В 1990-е гг. можно было ожидать всплеска интереса к данной модели. Однако критика куновской теории опосредованно сказалась и на историографии. Возможным образом здесь проявился и идеологический фактор, в результате чего язык постсоветской науки отходил от «революционной» терминологии. Так или иначе, понятие историографической революции использовалось благодаря единичным усилиям исследователей. В центре рассматриваемого хронологического отрезка находится теория историографической революции Б.Г. Могильницкого. Его фундаментальная проработка концепта позволила другим ученым часто использовать понятие в своей практике без особого уточнения имманентных признаков предмета. С другой стороны, предложенная модель таила в себе и эпистемологические пределы дальнейшей разработки понятия, поскольку не была универсальной. Примечательна попытка рассмотреть историографические революции в контексте глобальных научных революций. Что, однако, чревато упущениями специфики именно историографических процессов. Характерной особенностью современной рефлексии об историографической революции являются точечные подходы к теме, до сих пор обнаруживающие идейную и терминологическую зависимость от куновских построений. Например, в своей

критике или признании антикумулятивизма как ядра историографической революции, авторы так или иначе отталкиваются от постулатов американского философа.

Таким образом, практика использования понятия достаточно разнообразна. Историографическими революциями обозначаются смена типов историзма, трансформация нормативной системы историописания, статуса историка как субъекта, методологические новации, эпистемологические повороты, появление новых направлений исследований. Как следствие, различный критерий в основании периодизации революций. Однако обнаружим особенную деталь: несмотря на это, общими реперными точками выступают I половина – середина XIX в., конец XIX – начало XX в., II половина XX – начало XXI в. Что может свидетельствовать об их «объективном» статусе. Хотя одни авторы подходят к проблеме с позиций реализма, объективистски трактуя сдвиги в науке, другие – с позиций конструктивизма, «замыкая круг» революции на профессиональном сообществе.

Некоторые авторы говорят об историографической революции как таковой, исходя из понятия «современной историографической революции», утвержденного Б.Г. Могильницким. Что оставляет открытым вопрос: мы говорим о революции или о революциях? Как представляется, признан концепт «современной» революции (хотя и не всеми), а теория историографических революций остается неразработанной. И этому есть объяснение. Мы полагаем, что это понятие повторяет судьбу «старшей сестры» – «научной революции». Своеобразный ее диагноз был поставлен в отечественной историко-научной традиции еще в конце 1980-х гг. Так, Л.А. Маркова отметила, что понятие научной революции было эффективным, когда «работало» в паре с такими же антиподами как «эволюционизм, кумулятивизм, непрерывность, поступательность». Однако, выясняется, что с такими современными понятиями как уникальность, событие, самодетерминация, диалогичность, выбор научная революция не работает. Таким образом, сама разрушает исходные предпосылки концепции развития науки, в которых она должна была проявляться [Маркова, 1991, с. 46]. Довольно близкий образ сегодня демонстрирует историческая наука, в которой большое пространство занимают нелинейные модели представления истории. Так, микроистория нанесла серьезный удар по генерализирующему методу и причинно-следственным цепочкам, выстраивая контекстуальное объяснение.

Современное состояние понятия историографической революции является результатом кризиса самой метафоры «революции», используемой в западной интеллектуальной культуре. По словам В. Вжосека, классическая метафора революции связана с генетической идеей: она не столько противостоит фундаментальным метафорам генезиса и развития, сколько дополняет их. Классическое понимание революции «навязывает нам понимание предшествующей эпохи как периода созревания. В ней наступает аккумуляция разнородных перемен, приводящих к взрыву». Следовательно, использование метафоры революции предполагает прогрессивную направленность линии исторического процесса. Очевидный же сегодня кризис идеи прогресса оборачивается и кризисом идеи революции [Вжосек, 2012,

с. 45, 56, 58]. В этих условиях история историографических революций в каком-нибудь типологическом ракурсе превратилась бы в новый метанарратив. Однако в актуальной интеллектуальной ситуации научное сообщество не нуждается в «историографической революции» как универсальной категории.

Как кажется, дальнейшие перспективы обращения историков к концепту могут быть связаны с пониманием ее как «состояния» революционности. Возьмем для примера рефлексии над текущей историографической революцией. Очевидно, что все более увеличивающийся набор ее составляющих, каких как повороты, неопределенность, методологический плюрализм, расширяющаяся междисциплинарность, культурантропологизм и т.д. не позволяют нам логически определить данную революцию как целое. Тем не менее, ощущение «состояния» революционных перемен в историческом знании разделяется сообществом de-facto. Наконец, определенные надежды связаны с локальным подходом в истории науки, взглядом, что история знания всегда конкретна. Его методологическим следствием выступает необходимость говорить не об историографической революции вообще, а об историографических революциях как локальных феноменах, которые изучаются не каузальным образом, а в порождающих их и порожденных ими контекстах, в ситуативных характеристиках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Барг М.А. Индивид – общество – история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45-56.

Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.

Бодров О.В., Шарифжанов И.И., Ягудин Б.М. Историографическая революция последней трети XX века (рец. на кн: Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 33. М.: ИВИ, 2010. С. 361-373.

Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 359 с.

Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Кругъ, 2012. 336 с.

Гуревич А.Я. Загадка Школы «Анналов»: «Революция во французской исторической науке», или Об интеллектуальной ситуации современного историка // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. с. 509-522.

Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. 464 с.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ, 2003. 365 с.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 352 с.

Лубский А.В. Историографическая революция // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 158-160.

Лукьянов Д.В. «Структура» и «событие» историографических революций // Будущее нашего прошлого-4: историография революций и революции в историографии. Материалы международного круглого стола. 13 декабря 2017 г. М.: РГГУ, 2018. С. 52-64.

Маркова Л.А. Разрушает ли научная революция старое знание? // Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991. С. 38-60.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. 554 с.

Поздняков А.А. Стиль научного мышления: эпохальная или дисциплинарная концепция? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 191-210.

Репина Л.П. «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1> (дата обращения – 7 июля 2018 г.)

Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 58. М.: ИВИ, 2017. С. 5–24.

Савельева И.М. История и теория: «return to the real» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 63. М.: ИВИ, 2018. С. 7–26.

Согрин В.В. Современная историографическая революция // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 99–106.

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2003. 744 с.

Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А.И. Филюшкина. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 323 с.

Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый хронограф, 2014. 346 с.

Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке? // Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. 1. / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2003. С. 59–68.

Sreedharan E. *A textbook of historiography. 500 BC to AD 2000*. New Delhi: Orient Longman, 2004. 585 p.

REFERENCES

- Barg M.A. Individ – obshestvo – istoriya [Individual-society-history], in: *Novaya i novjshaya istoriya*. 1989. № 2. Pp. 45-56. (in Russian)
- Barg M.A. *Epokhi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and ideas: formation of historicism]. Moscow: Mysl, 1987. 348 p. (in Russian)
- Bodrov O.V., Sharifzhanov I.I., Yagudin B.M. Istoriograficheskaya revolyutsiya poslednej treti XX veka [The historiographical revolution of the last third of the XX century], in: *Dialog so vremenem* [Dialog with time]. Vyp. 33. Moscow: IGH Publ., 2010. Pp. 361-373. (in Russian)
- Bychkov S.P., Korzun V.P. *Vvedenie v istoriografiyu otechestvennoj istorii XX veka* [Introduction to the historiography of Russian history of the XX century]. Omsk: OSU Publ., 2001. 359 p. (in Russian)
- Vzhosek V. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and historical truth]. Moscow: Krug, 2012. 336 p. (in Russian)
- Gurevich A.Ya. Zagadka Shkoly "Annalov": "Revoljutsiya vo francuzskoj istoricheskoj nauke", ili Ob intellektual'noj situacii sovremennogo istorika [The riddle of the School "Annals": "Revolution in French historical science", or about the intellectual situation of the modern historian], in Gurevich A.Ya. *Istoriya – neskonchaemyj spor*. Moscow: RGGU, 2005. Pp. 509-522 (in Russian)
- Dear P., Shejpin S. *Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie* [Scientific revolution as an event]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 576 p. (in Russian)
- Ionov I.N. *Mirovaya istoriya v global'nyj vek: Novoe istoricheskoe soznanie* [World history in the global age: A new historical consciousness]. Moscow: Akvilon, 2015. 464 p. (in Russian)
- Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST, 2003. 365 p. (in Russian)
- Lubskij A.V. *Alternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative models of historical research]. Moscow: «Sotsialno-gumanitarnye znaniya», 2005. 352 p. (in Russian)
- Lubskij A.V. Istoriograficheskaya revolyutsiya [Historiographical revolution], in: *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskij slovar'*. Ex. ed. A.O.Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. Pp. 158-160. (in Russian)
- Luk'yanov D.V. «Struktura» i «sobytie» istoriograficheskikh revolyutsij ["Structure" and "event" of historiographical revolutions], in: *Budushhee nashego proshlogo-4: istoriografiya revolyutsij i revolyutsii v istoriografii. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. 13 dekabrja 2017 g.* Moscow: RGGU Publ., 2018. Pp. 52-64. (in Russian)
- Markova L.A. Razrushaet li nauchnaya revolyutsiya staroe znanie? [Does the scientific revolution destroy the old knowledge?], in: *Traditsii i revolyutsii v istorii nauki*. Moscow: Nauka, 1991. Pp 38-60. (in Russian)
- Mogil'nitskij B.G. *Istoriya istoricheskoi mysli XX veka: kurs lektsij. Vyp. 3. Istoriograficheskaya revolyutsiya* [History of historical thought of the XX century: a course

of lectures. Issue 3. Historiographical revolution]. Tomsk: TSU Publ., 2008. 554 p. (in Russian)

Pozdnyakov A.A. Stil' nauchnogo myshleniya: epokhal'naya ili distsiplinarnaya kontseptsiya? [Style of scientific thinking: epoch-making or disciplinary concept?], in: *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2014. № 1. Pp. 191-210. (in Russian)

Repina L.P. «Istoriograficheskaya revolyutsiya» i teoreticheskie poiski na rubezhe vekov [“Revolution in historiography” and theoretical elaborations at the turn of the centuries], in: *Elektronnyjnauchno-obrazovatel'nyjzhurnal «Istoriya»*. 2013. № 2 (18). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1> (accessed 7 July 2018) (in Russian)

Savel'eva I.M. Istoricheskaya nauka v XXI veke: klyuchevye slova [Historical science in the XXI century: key words], in: *Dialog so vremenem* [Dialog with time]. Vyp. 58. Moscow: IGH Publ., 2017. Pp. 5-24. (in Russian)

Savel'eva I.M. Istoriya i teoriya: «return to the real» [History and theory: “return to the real”], in: *Dialog so vremenem* [Dialog with time]. Vyp. 63. Moscow: IGH Publ., 2018. Pp. 7-26. (in Russian)

Sogrin V.V. Sovremennaya istoriograficheskaya revolyuciya [Modern historiographical revolution], in: *Novaya i novejschaya istoriya*. 2009. № 3. Pp. 99-106. (in Russian)

Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-traditsiya, 2003. 744 p. (in Russian)

Teoriyaimetodologiyaistorii: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Theory and methodology of history: tutorial and workshop for undergraduate academic]. Ex. ed. A.I.Filyushkin. Moscow: YUrajt, 2016. 323 p. (in Russian)

Toshtendal' R. *Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie* [Professionalism of the historian and historical knowledge]. Moscow: Novyj khronograf, 2014. 346 p. (in Russian)

Filyushkin A.I. Proizoshla li metodologicheskaya revolyuciya v sovremennoj rossijskoj istoricheskoy nauke? [Did the methodological revolution take place in modern Russian historical science?], in: *Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii*. Vyp. 1. / Ex. ed. A.V. Malinov. SPb.: «Severnaya zvezda», 2003. Pp. 59-68. (in Russian)

Sreedharan E. *A textbook of historiography. 500 BC to AD 2000*. New Delhi: Orient Longman, 2004. 585 p.